

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. Г. БЕЛИНСКОГО

В. Иллерицкий

Исторические взгляды великого русского революционного демократа Виссариона Григорьевича Белинского до сих пор не изучены. Этой теме не было посвящено ни одной монографии, ни одной статьи.

Буржуазная историография игнорировала изучение исторических взглядов русских революционных демократов в силу того, что она ограничивалась характеристиками только академической, университетской науки, и процесс развития исторической мысли искажённо трактовала в качестве эволюционного, не знающего борьбы идей, отражавших интересы различных классов и политических направлений.

Этим ложным установкам следовали и отдельные советские историки. Так, проф. Н. Л. Рубинштейн в своей книге «Русская историография» хотя и уделил внимание историческим воззрениям Чернышевского и Добролюбова, но допустил при этом важные ошибки в их оценке. Наиболее существенной ошибкой является утверждение об отсутствии у революционных демократов самостоятельной исторической концепции. Прямым результатом этого ошибочного утверждения явился отказ от анализа подлинных истоков исторических взглядов Чернышевского и Добролюбова, благодаря чему автор не счёл нужным дать характеристику исторических взглядов Белинского и Герцена.

Между тем совершенно ясно, что революционные демократы, в том числе и Белинский, выступавшие с развёрнутой и теоретически обоснованной политической программой защиты интересов крепостного крестьянства, не могли не выдвинуть самостоятельной исторической концепции. Эта концепция сложилась в напряжённой борьбе со всеми враждебными лагерю революционной демократии общественно-политическими и историческими теориями. Белинский, выступивший, согласно классическому определению Ленина, предшественником «полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении»¹ и впервые обосновавший развитие затем Чернышевским и Добролюбовым важнейшие принципы революционно-демократической идеологии, первый сформулировал и основные положения исторической концепции великих русских революционных демократов.

В литературном наследии Белинского мы находим богатый материал для суждения о его исторических взглядах. Высказывания по вопросам истории в письмах, исторические экскурсы в литературно-критических статьях, многочисленные и исключительно ценные рецензии на книги исторического содержания позволяют установить исторические взгляды Белинского в их эволюции и во всём многообразии. Исторические воззрения Белинского привлекают к себе наше внимание благодаря своему демократическому существу, неразрывной связи с передовыми политическими и философскими теориями, благодаря тому, что они проникнуты глубоким патриотизмом в отношении к истории великого русского народа. В своих высказываниях по вопросам истории Белин-

¹ Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 341.

ский объявил борьбу канонам дворянско-буржуазной историографии, внёс новые, новаторские черты в разработку важнейших вопросов истории, особенно истории России.

Как зачинатель революционно-демократического движения в нашей стране, Белинский прошёл путь сложного и противоречивого идейно-политического развития, путь напряжённых и страстных исканий революционной теории.

В развитии мировоззрения и общественно-политической деятельности Белинского имелись два важнейших этапа: этап просветительства и объективного идеализма (30-е годы), на протяжении которого, в свою очередь, следует выделить кратковременное примирение с действительностью (в конце 30-х годов) и этап революционно-демократический и утопическо-социалистический (с начала 40-х годов и до конца жизни). В тесной связи с этими этапами в идейном развитии Белинского находится и развитие его исторических взглядов.

Живой интерес к истории пробудился у Белинского ещё в годы школьного обучения — в Чембаре и Пензе. Этот интерес возбуждался чтением произведений Ломоносова, Державина, Жуковского и особенно Пушкина, которые уделяли большое внимание исторической тематике, а также чтением передовых журналов того времени.

Исключительно важным для развития исторических интересов молодого Белинского явился период его обучения в Московском университете и период последующего пребывания в Москве. Лекции, чтение литературы университетской библиотеки, окружение любознательной молодёжи, живой обмен мнениями с лучшими её представителями — всё это содействовало интенсивному общему развитию будущего критика, а также и развитию его исторических интересов.

В 30-х годах прошлого века основное внимание представителей передовой исторической науки было направлено на борьбу с теорией официальной народности. Последняя получила историческое обоснование у профессоров Московского университета Погодина и Шевырёва. Стремясь использовать патриотические настроения, порождённые Отечественной войной 1812 г., Погодин и Шевырёв пытались придать им ложное официально-охранительное направление, преследуя этим реакционные политические цели. Вопрос о роли русского народа в истории извращённо решался ими в духе смирения, религиозности и монархизма, как якобы исконных национальных качеств русского народа. Погодин и Шевырёв противопоставляли «процветающую» под сенью самодержавия Россию «гниющему» мятежному Западу. Для доказательства своего реакционного тезиса они обращались к антинаучной норманской теории «призвания» варяжских князей, которые будто бы создали русское государство на началах покорности народа власти, в противоположность европейским государствам, выросшим в результате завоевания и развивавшимся на основе классовой борьбы. Тем самым исторически обосновывалась незыблемость самодержавно-крепостнических устоев России.

Политически реакционные и антинаучные каноны официальной историографии, выдвинутые ещё Карамзиным и затем развивавшиеся Погодиным и Шевырёвым на основе реакционной, идеалистической философии Шеллинга, никак не могли удовлетворить передовых людей России. После выдающихся исторических событий — Отечественной войны 1812 г. и героического подвига декабристов — утверждения, что русский народ состоит из рабов, а историческое развитие страны определяется предначертаниями самодержавного правительства, были явно несостоятельны.

Труд Карамзина подвергся критике ещё со стороны декабристов и Пушкина. Не удовлетворил он Полевого и Каченовского. Однако, критикуя Карамзина, а затем расходясь во мнениях с Погодиным и Шевырёвым, Полевой и Каченовский сами оказались неспособными на после-

довательную критику идеологов официальной народности. Ещё менее способны были они создать самостоятельную, философски обоснованную историческую концепцию. И ту и другую задачи начали осуществлять представители передовой части студенческой молодёжи, среди которых вскоре выдвинулся Белинский как самый непримиримый враг официальной народности.

К моменту исключения из университета в 1832 г. Белинский прошёл уже суровую жизненную школу: он был участником разночинного литературно-политического кружка — «11 нумера», написал антикрепостническую драму «Дмитрий Калинин», обнаружившую влияние «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева и французской просветительской философии. В конце 1833 г. Белинский вошёл в кружок дворянской молодёжи, возглавлявшейся Станкевичем. Участвуя на правах равного в оживлённом обмене мнениями между участниками кружка, Белинский ярко отличался от последних не только своим темпераментом, но и демократической направленностью воззрений, что не могло не сказаться и на его исторических интересах того периода.

В кружке Станкевича изучались исторические теории Гердера, Шеллинга, Гизо и Тьерри, но основное внимание уделялось изучению русской истории. Герцен, вспоминая увлечения молодёжи 30-х годов, писал в «Былом и думах»: «Часть молодёжи бросилась на глубокое и серьёзное изучение русской истории, другая — немецкой философии»². Герцен при этом справедливо отмечал самую важную особенность этих увлечений: «Господствующая ось, около которой шла наша жизнь, — это наше отношение к русскому народу, вера в него, любовь к нему... и желание деятельно участвовать в его судьбах»³. Представители передовой студенческой молодёжи искали в истории ответы на вопросы о будущем России, о судьбах русского народа.

В своё время Плеханов справедливо называл Белинского гениальным социологом. Но это не помешало Плеханову считать, что мировоззрение Белинского развивалось в полной зависимости от немецких идеалистических философских систем Шеллинга, Фихте, Гегеля. Между тем подлинное развитие философских, социологических и исторических взглядов великого русского демократа заключалось совсем не в рабском копировании иноземных систем, а в борьбе с немецким идеализмом, с немецкой идеалистической философией, за такое мировоззрение, которое призвано не примирить с окружающей действительностью, а раскрыть её противоречия, дать теоретическое обоснование революционно-демократической социально-политической программе.

Исторические взгляды молодого Белинского своё первоначальное выражение получили в его первом критическом произведении «Литературные мечтания». В этот период история представлялась Белинскому как картина самораскрытия абсолютной идеи через разнообразные судьбы отдельных народов. Целью общечеловеческого развития полагалось совершенствование разума на поприще просвещения. В «Литературных мечтаниях» Белинский поставил глубокие вопросы о взаимосвязи в историческом развитии отдельных народов, о месте России в общечеловеческом прогрессе, об особенностях её исторического развития. В связи с этим он дал общую схему истории России.

Уже в этом первом критическом произведении Белинского мы находим черты оригинальности и своеобразное понимание исторического процесса, свидетельствующие о критическом преодолении шеллингианства.

Философия истории Шеллинга сводила историческое развитие к мистическому созерцанию абсолютного духа, с самого начала якобы определявшего исторический процесс. Однако в ходе исторического

² Герцен А. Соч. Т. XII, стр. 332.

³ Там же. Т. XVII, стр. 371.

развития абсолютный дух всё более искажался и заслонялся историческими событиями. Такое понимание исторического процесса объясняло провозглашение Шеллингом и немецкими романтиками возврата к первоначальному состоянию человечества, раскрывающему неискажённый абсолютный дух. Поэтому историзм Шеллинга и романтиков, как и славянофилов в России, обращался в прошлое и переставал быть историзмом в подлинном смысле этого слова, что вполне соответствовало реакционной политической идеологии и Шеллинга и романтиков. Иной характер носил историзм Белинского в «Литературных мечтаниях». Историзм Белинского отражал неудовлетворённость последнего абстрактными формулами, он был устремлён в будущее и связан с прогрессивными общественно-политическими убеждениями Белинского. Совершенствование человечества и каждого народа в отдельности на попрание просвещения осуществляется в результате поступательного, прогрессивного развития, полагал Белинский. Более того, он подчёркивал деятельную сторону исторического развития и обнаруживал тяготение к исторической практике при раскрытии абстрактных социологических формул: «Без борьбы нет заслуг, без заслуг нет награды, а без действия нет жизни! — восклицал молодой критик. — Что представляют собою индивидуумы, то же представляет и человечество; оно борется ежеминутно и ежеминутно улучшается»⁴. Высказав общее положение об историческом прогрессе и о том, что «каждый народ, вследствие непреложного закона провидения, должен выразить свою жизнью одну какую-нибудь сторону жизни человечества»⁵, Белинский не удовлетворился этим. Он поставил вопрос об особенностях исторического развития отдельных народов, о причинах этих особенностей. Эти особенности Белинский усматривал «в особенном, одному ему (народу. — В. И.) принадлежащем образе мыслей и взгляде на предметы, в религии, языке и более всего в обычаях». Самые же эти особенности, по мнению Белинского, «проистекают из одного общего источника — причины всех причин — климата и местности»⁶.

Естественно, что история родной страны была более близка и известна Белинскому, чем история любой другой страны. К тому же история России давала ему основу для понимания особенностей развития русской литературы, раскрытие которых и составляло важнейшую задачу его «Литературных мечтаний».

Давая общий обзор истории России, Белинский в «Литературных мечтаниях» сосредоточил своё внимание на её своеобразии, на национальных особенностях русского народа. Противопоставляя свою характеристику истории допетровской Руси, характеристике, которую давали идеологи официальной народности, Белинский писал о жизни русского народа: «Это была жизнь самобытная и характерная, но односторонняя и изолированная. В то время, когда деятельная, кипучая жизнь старейших представителей человеческого рода двигалась вперёд с пестрою и невероятною, она ни одним колесом не зацеплялась за пружины её хода»⁷. Белинский был склонен резко отличать историю России от истории Западной Европы для того, чтобы противопоставить допетровскую Русь — изолированную и самобытную — России, введённой реформами Петра в семью европейских народов. Такое понимание исторического развития России, в своих основных чертах оставшееся характерным для Белинского и в последующий период, в дальнейшем особенно остро выявилось в его полемике со славянофилами.

В лице Петра Первого Белинский видел «олицетворённый идеал рус-

⁴ Белинский В. Избранные философские сочинения (ИФС), стр. 14. Госполитиздат, М. 1941.

⁵ Там же, стр. 17.

⁶ Там же, стр. 18.

⁷ Там же, стр. 19.

ского народа в деятельные мгновения его жизни»⁸, и самые результаты преобразований Петра он оценивал в зависимости от их значения для последующего национального развития. Но в то же время Белинский отмечал, что результаты преобразовательной деятельности Петра не сразу стали достоянием народа и пути осуществления реформ не всегда были целесообразными. Преобразования не коснулись толщ народных масс, и создавался разрыв между «обществом» (просвещёнными верхами) и народом. В области просвещения, по мнению Белинского, следовало начинать не с создания Академии наук, а с развития широкой сети школ для народа.

То обстоятельство, что Белинский ставил в прямую зависимость деятельность Петра от деятельности народа, что критерием преобразований Петра он считал степень удовлетворения интересов народа, свидетельствует о том, что Белинский ещё в «Литературных мечтаниях» начал закладывать основы своеобразного, демократического понимания истории России.

Скромно называя себя в области истории «любителем», Белинский в своих ранних произведениях, как правило, воздерживался от прямой полемики по историческим вопросам с Карамзиным, Погодиным и другими представителями официальной историографии. Однако это объяснялось совсем не скудными познаниями молодого критика в области истории, — наоборот, уже тогда они были у него достаточно обширны, — а тем, что политическая острота исторических вопросов затрудняла полемику по ним в подцензурной печати. Тем не менее Белинский сумел дать очень глубокую оценку Карамзину. Назвав в «Литературных мечтаниях» «Историю» Карамзина «подвигом исполинским», Белинский вместе с тем заметил, что «главный недостаток одного состоит в его взгляде на вещи и события, часто детском и всегда по крайней мере не мужеском; в ораторской шумихе и неуместном желании быть наставительным, поучать там, где сами факты говорят за себя, в пристрастии к героям повествования, делающим честь сердцу автора, но не его уму»⁹. О школе Каченовского Белинский отзывался сочувственно, полагая, что она опирается на «здравый смысл и глубокую учёность»; он отмечал увлечение ею молодых историков, объясняя это увлечение тем, что настоящее поколение чуждо «воспоминаний старины и предубеждений авторитетов»¹⁰. Известно, что и сам Белинский испытал на себе влияние Каченовского.

Но было бы неправильно на основании немногочисленности критических высказываний об историках не видеть отличия собственных исторических построений Белинского от официальной и академической историографии его времени. Весь строй идей, схема истории России, данная Белинским, своеобразны и отличаются своим новым содержанием.

Неудовлетворённость абстрактным пониманием исторического процесса, обусловленная отсутствием деятельной общественной силы в России, способной изменить самодержавно-крепостническую действительность, бесплодность её мысленного отрицания, кратковременное увлечение философией Гегеля — всё это привело Белинского к его временному заблуждению — примирению с действительностью. Примирение это в свою очередь вызвало ряд серьёзных ошибок в понимании истории России. Так, в своих «бородинских» статьях Белинский провозгласил, что ход русской истории является обратным по сравнению с европейской. Своеобразие русской истории он усматривал в том, что в России «правительство всегда шло впереди», что царская власть была источником просвещения и что в России революция невозможна.

⁸ Белинский В. ИФС, стр. 20.

⁹ Там же, стр. 41.

¹⁰ Там же, стр. 68 (примечание).

Временные заблуждения Белинского отнюдь не привели его в лагерь официальной народности. В его воззрениях сохранялись черты гуманизма и просветительства, исключавшие подобную возможность. Примирение с действительностью не прервало его исканий исторической правды и путей прогрессивного развития России. Более того, именно в этот период углубилось понимание Белинским исторического процесса. Он поставил вопрос о раскрытии объективных законов исторического развития и о внутренней обусловленности последнего. Это позволило Белинскому подвергнуть критике рационалистические схемы исторического процесса французских просветителей, в частности теорию «общественного договора» Руссо, и вскоре мужественно признать свою ошибку в оценке роли самодержавия.

Решительный разрыв с примирительными настроениями, провозглашённый в письмах к Боткину в конце 1840 г., явился у Белинского основой для перехода на позицию революционного демократизма, а в соответствии с этим — дальнейшего углубления его историзма, обогащённого теперь идеей диалектического развития, идеей отрицания.

С начала 40-х годов начался наиболее значительный и важный этап деятельности Белинского — революционно-демократический.

Период 40-х годов в истории России ознаменован рядом новых явлений. В результате роста буржуазных отношений в стране углубился кризис феодально-крепостнической системы, расширилось крестьянское движение, усилилась дифференциация дворянства, окрепли буржуазные элементы, на арену общественной борьбы начали выступать отдельные разночинцы, оформлялось выражавшее интересы народных масс революционно-демократическое направление.

Основным вопросом эпохи, вокруг которого шла борьба различных общественных направлений, был вопрос о крепостном праве¹¹. В более широком плане это был вопрос о будущем России. Острая постановка вопроса о будущем России в свою очередь расширила и углубила интерес к её истории. «Мы вопрошаем и допрашиваем прошлое, — писал Белинский, — чтобы оно объяснило нам настоящее и намекнуло нам о нашем будущем»¹². Исторические вопросы получили особую политическую остроту и злободневность.

В борьбе между славянофилами и западниками Белинский выступил на стороне последних. Однако это не означало, что Белинский стал типичным западником. Не следует забывать, что термин «западничество» вообще страдает условностью и неопределённостью. Лагерь западников объединял разнородные социальные элементы, что и нашло своё выражение в достаточно определённо выявившихся уже к середине 40-х годов расхождениях между правым и левым крылом западников.

Белинский боролся против славянофилов вместе с западниками, но в отличие от них он вёл эту борьбу с позиций революционного демократизма. Для Белинского «западничество» было формой отрицания самодержавно-крепостнического строя, сочетавшейся с критикой западноевропейских буржуазных общественных отношений. Его революционный демократизм соединялся с утопическим социализмом, но последний не исключал, в отличие от социалистов-утопистов Западной Европы, признания революционных средств борьбы и роли народных масс как основного деятеля истории. Своеобразие мировоззрения Белинского, далее, выразилось в том, что с середины 40-х годов оно получило философско-материалистическую основу. Понятно поэтому, что Белин-

¹¹ См. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 473, 4-е изд.

¹² Белинский. ИФС, стр. 345.

ский не мог не разойтись с большинством западников, эволюционировавших в сторону буржуазного либерализма, апологетически превозносивших буржуазные отношения, скатывавшихся к абстрактному космополитизму, отрицавших революционные средства борьбы, игнорировавших народные массы в качестве деятельной исторической силы и никогда не покидавших позиций идеализма.

Особенности революционно-демократического мировоззрения Белинского, его борьба в 40-х годах со славянофилами, а затем и с буржуазным крылом «западников» нашли своё отражение в исторических воззрениях великого русского демократа. В результате этой напряжённой борьбы Белинский выработал своеобразное понимание исторического процесса, дал творческую разработку важнейших вопросов истории России, подчинив решение исторических проблем общей задаче искания передовой революционной теории, призванной уяснить пути будущего развития России.

Если в «Литературных мечтаниях» Белинского только намечалось понимание исторического процесса как закономерного и прогрессивного, то теперь такое восприятие его стало теоретически обоснованным убеждением. Белинский указывал, что история становится наукой именно с того времени, когда исторический процесс начинает рассматриваться в качестве закономерного. «Отвергать возможность истории как науки, — заявлял Белинский, — значит отвергать в развитии общности неизменные законы, и в судьбах человечества ничего не видеть, кроме бессмысленного случая»¹³.

Закономерность распада Римской империи, на развалинах которой образовались европейские государства; закономерность реформационного движения и религиозных войн в Европе, направленных против засилия католической церкви как оплота средневековой реакции; закономерность смены старых, отживших свой век феодальных отношений прогрессивными буржуазными отношениями, осуществлявшейся часто в революционной борьбе; историческая неизбежность усиления Москвы, ставшей оплотом мощного русского государства; закономерность преобразований Петра Великого — все эти и многие другие вопросы стали освещаться Белинским более глубоко и разносторонне именно в силу того, что он прочно овладел идеей прогрессивности исторического процесса.

Однако эта идея исторической закономерности во времена Белинского не была новой ни для европейской, ни для русской философской и исторической мысли. Идея закономерности исторического процесса до Белинского в Западной Европе развивалась Сен-Симоном, Фурье, затем историками периода Реставрации — Гизо, Минье, а также Гегелем. Под влиянием последних эта идея получила обоснование и у русских историков. Она нашла своё отражение в трудах близкого друга Белинского и весьма авторитетного для него историка — Грановского, а затем в трудах Соловьёва. При первоначальной формулировке данной идеи Белинский мог испытать влияние названных мыслителей и историков. Однако заслуга Белинского — в своеобразном раскрытии этой идеи, в установлении связи её с его революционно-демократическими устремлениями.

Историзм Гегеля был обращён в прошлое. Историческое развитие, по мнению Гегеля, завершается достижением такого идеального государственного строя, как прусская конституционная монархия, называвшаяся Белинским ещё в начале 40-х годов «узеньким понятием»¹⁴. Французские историки периода Реставрации полагали, что историческое развитие завершается достижением буржуазной монархии, решительно отвергая закономерность пролетарской борьбы против буржуазии. Белин-

¹³ Белинский В. Соч. Т. XII, стр. 453.

¹⁴ Белинский «Письма». Т. II, стр. 247. ИФС, стр. 169.

ский же заявлял: «Горе государству, которое в руках капиталистов. Это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят»¹⁵. Русские историки из лагеря буржуазных западников не шли дальше буржуазного конституционализма. Политические программы и дающие им обоснование исторические теории буржуазных мыслителей и историков отличались раболопной приверженностью к прошлому, разоблачавшей их классовую природу.

Историзм Белинского был устремлён в будущее, основывался на твёрдом убеждении в бесконечности прогресса человечества, призванного утвердить социалистическое общество, несущее трудящимся массам справедливость и равенство. В рецензии 1844 г. на книгу Смарагдова «Руководство к познанию новой истории» Белинский писал: «Следя за судьбами человечества, мы в ряду исторических эпох его видим строгую, непрерывную последовательность, так же как в событиях — живую, органическую связь»; и в той же рецензии, дав характеристику своему веку в качестве «холодного и расчётливого, положительного и мануфактурного», т. е. определив его как век капиталистический, Белинский вслед за этим подчеркнул нелепость мысли о том, что «теперь развитие должно остановиться, потому что дошло до самой крайней степени и дальше идти не может. Нет предела развитию человечества и никогда человечество не скажет себе: стой, довольно, больше идти некуда!»¹⁶.

Другими словами, Белинский в этой рецензии утверждал, что развитие истории должно привести к утверждению нового общества, основанного на справедливости и равенстве, т. е. общества социалистического, которое он понимал в духе утопического социализма.

Глубина и содержательность понимания Белинским исторического прогресса особенно раскрываются в его отчётливом представлении с национальных форм осуществления прогресса. Белинский никогда не страдал национальным нигилизмом, наоборот, он всегда боролся с ним. В конце своей жизни он писал: «Борьба человеческого с национальным есть не больше как риторическая фигура, но в действительности её нет. Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально. Иначе нет прогресса»¹⁷. Отчётливое понимание этого вопроса определяло позицию Белинского в борьбе со славянофилами, пытавшимися оторвать Россию во имя «фантастической народности» от общечеловеческого прогресса, вернув её к допетровским временам, и с буржуазными западниками — «фантастическими космополитами»¹⁸, стремившимися растворить национальное в общечеловеческом и считавшими буржуазные общественные отношения идеалом для всего человечества и для России.

Исключительно важной особенностью историзма Белинского являлось понимание им исторического прогресса как противоречивого и скачкообразного, раскрывающегося в борьбе между новым и старым. Такое понимание, связанное с революционно-демократическими устремлениями Белинского, служило средством обоснования неизбежности и правомерности революционных взрывов в истории, необходимости активного вмешательства в историческое развитие, оправданием борьбы народных масс за своё экономическое и социальное освобождение. Оно отличало Белинского не только от буржуазных идеологов, но и от страдающих реформизмом социалистов-утопистов Западной Европы.

Переход Белинского на позицию революционного демократизма в

¹⁵ Белинский «Письма». Т. III, стр. 329.

¹⁶ Белинский. ИФС, стр. 296—297.

¹⁷ Там же, стр. 356.

¹⁸ Там же, стр. 352.

теоретическом отношении был связан для него с овладением плодотворной идеей отрицания.

В письме к Боткину от 27—28 июня 1841 г. Белинский заявлял: «Отрицание — мой бог. В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон («Каин») и т. п.». Овладение идеей отрицания помогло Белинскому углубить понимание исторического развития народов в прошлом и установить перспективы этого развития в будущем. В том же письме к Боткину, раскрывая своё понимание социалистического общества как общества, в котором не будет ни богатых, ни бедных, ни царей, ни подданных, но будут братья, будут люди, Белинский писал о путях достижения такого общества: «Смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови... Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов». Свои рассуждения он заключал следующими знаменательными словами: «Я всё думал, что понимаю революцию — вздор — только начинаю понимать. Лучшего люди ничего не сделают»¹⁹. В другом письме к Боткину Белинский с не меньшей определённой заявлял, что справедливый, т. е. социалистический, строй «утвердился на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов»²⁰.

Подчёркивая роль отрицания в историческом прогрессе, Белинский пришёл к следующему выводу: «Мрачный дух сомнения и отрицания как элемент, или лучше сказать, как сторона всецелого и вечного духа жизни, играет в движении великую роль, отрывая отдельные лица и целые массы от непосредственных и привычных положений и стремя их к новым и сознательным убеждениям»²¹. Отрицание открывает путь торжеству нового над старым. Оно (отрицание) наиболее полно проявляет себя в истории в периоды переломные и революционные. Именно идея отрицания позволила Белинскому понять реакционную роль самодержавия и благодаря этому углубить свои антикрепостнические убеждения признанием правомерности борьбы с царским самодержавием как сильнейшим препятствием исторического прогресса России.

В письме к Боткину от 10—11 декабря 1840 г., в котором решительно провозглашался разрыв с примирительными настроениями, Белинский писал: «Конечно, наш китайско-византийский монархизм до Петра Великого имел своё значение, свою поэзию, словом свою историческую закономерность; но из этого бедного и частного исторического момента сделать абсолютное право и применять его к нашему времени — фэй — неужели я говорил это?.. ..должно было развить и идею отрицания, как исторического права не менее первого священного и без которого история человечества превратилась бы в стоячее и вонючее болото»²².

Идея отрицания, утверждавшая борьбу нового со старым и закономерность и неизбежность победы нового над старым, придавала новый характер историзму Белинского, недоступный для представителей домарксовской философской и исторической мысли как в Европе, так и в России. Понимание Белинским исторического процесса было глубоко своеобразным, хотя оно и не выходило за рамки идеализма, поскольку Белинский усматривал закономерность, прогрессивность и противоречивость исторического процесса прежде всего в борьбе старых и новых идей, разума и предрассудков, а не в развитии материальной основы общества — производительных сил. Сама прогрессивность исторического

¹⁹ Белинский. ИФС, стр. 174—176.

²⁰ Белинский. «Письма». Т. II, стр. 305.

²¹ Белинский. ИФС, стр. 272.

²² Белинский. «Письма». Т. II, стр. 186.

развития ставилась Белинским в зависимость от того, как и в какой мере на том или ином историческом этапе удовлетворялись интересы народных масс. Он понимал, что полное удовлетворение интересов народных масс в настоящем невозможно ввиду неравенства, нищеты и бесправия, лишаящих народ активного и самостоятельного творчества. Это заставило его страстно надеяться и верить в торжество справедливости в будущем, когда народные массы созреют для борьбы с угнетателями за свои интересы.

В понимании исторического процесса Белинский был глубоким и последовательным демократом и революционером, что проявилось в его историческом реализме и оптимизме, о которых Ленин писал как о своеобразной особенности революционного просветительства²³.

Необходимо отметить, что в понимании исторического процесса Белинский испытал известное воздействие и со стороны Маркса и Энгельса, поскольку он был знаком с некоторыми их ранними произведениями, прежде всего со статьями, напечатанными в «Немецко-французских ежегодниках» за 1844 год. В своих ранних работах Маркс и Энгельс ещё не пришли к выводам, сформулированным впоследствии в «Коммунистическом Манифесте». Однако критика модой Марксом буржуазного государства и права, критика религии, установление её корней в самой общественной жизни, характеристика различия её форм в зависимости от различных исторических условий — всё это могло оказать благотворное воздействие на углубление и конкретизацию понимания Белинским исторического процесса. В этом нас убеждает, например, сравнительно недавно опубликованная рецензия Белинского на книгу Б. Григорьева «Еврейские секты в России»²⁴ и отдельные высказывания его в письмах²⁵.

Не прошёл бесследно для понимания Белинским исторического процесса и переход его в середине 40-х годов на позиции философского материализма. Так, в статьях и рецензиях Белинского, написанных в последние годы его жизни, мы находим отдельные гениальные материалистические догадки в объяснении исторического процесса. Если в работах предшествующего периода Белинский неоднократно высказывал мысль о зависимости истории того или иного народа от условий местности и климата, начав тем самым преодолевать характерное для домарксовской исторической мысли противопоставление истории природе²⁶, то теперь Белинский уже определённо подчёркивал равнозначное значение материальных и духовных потребностей как движущих сил исторического развития. В своих статьях последних лет жизни Белинский высказывал материалистические догадки о том, что поведение людей и их деятельность вытекают из их потребностей, а потребности указываются самой действительностью. Эту мысль он отчётливо сформулировал в рецензии на учебник Смараглова. «Историк должен показать, — писал Белинский, — что исходный пункт нравственного совершенства есть прежде всего материальная потребность и что материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности. Если б человек не нуждался в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни, он навсегда остался бы в животном состоянии»²⁷. В известной рецензии на роман Сю «Парижские тайны» Белинский сосредоточил внимание на имущественной основе неравенства в буржуазном обществе и выдвинул перед историками требование уделять внимание в исторических трудах экономическим факторам. Важнейшее значение имеют его мысли о решающей роли в истории народных масс и о классовой борьбе. Но эти новые мысли и утверждения

²³ См. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 484. 4-е изд.

²⁴ Белинский. ИФС, стр. 454—456.

²⁵ Белинский. «Письма». Т. III, стр. 87.

²⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 29.

²⁷ Белинский. Соч. Т. XII, стр. 463.

не выводили Белинского за рамки идеалистического понимания истории. В силу исторических условий того времени он не мог перейти на почву исторического материализма, не мог понять решающей роли развития производительных сил в историческом процессе, не смог разработать теории классовой борьбы и был лишён возможности понять историческую миссию пролетариата. Оставаясь в понимании истории идеалистом, Белинский, однако, был не удовлетворён тесными рамками идеализма в понимании исторического процесса.

Глубокое и оригинальное понимание Белинским исторического процесса обусловливало и новое, своеобразное понимание им задач исторической науки. Он требовал от неё освещения истории народа. «Приступая к изучению какого-либо народа, — писал Белинский, — историк прежде всего должен отчётливо понимать значение этого народа, видеть его отношение к другим народам, степень, занимаемую им в человечестве, и важность его исторической роли»²⁸. Политическая заострённость этого требования более отчётливо обнаруживается в другом высказывании Белинского в рецензии на учебник Лоренца «Руководство к всеобщей истории» (1842). «В наше время слово «всеобщая история», — писал Белинский, — налагает на автора огромные обязанности, потому что заставляет ожидать от него полной картины жизни народов, где, подобно искусно расположенным теням, должны занимать своё место: и религия, и искусство, и науки, и ремёсла, и право, и подати, и войска, а не одни только войны да договоры. Политическая сторона должна быть только рамкой истории, но не содержанием её»²⁹. В этом замечательном высказывании Белинский выступает сторонником гражданской истории как истории самых разнообразных сторон жизни народа. Его высказывание направлено против дворянской и буржуазной историографии. Не деятельность правящей верхушки должна стоять в центре внимания историка, а история самого народа — таково твёрдое убеждение Белинского. Эта мысль высказана им и в рецензии на учебник Смарагдова (1844) — «Руководство к познанию «новой истории», в котором Белинский упрекает автора в том, что, ограничиваясь политической историей, он пошёл «по избитой колее»³⁰.

Глубоко понимая исторический процесс, новые и важные задачи исторической науки, Белинский, естественно, предъявлял очень высокие требования к историкам. «В том и заключается трудность условий исторического таланта, — писал он, — что в нём должны быть соединены строго изучение фактов и материалов исторических, критический анализ, холодное беспристрастие с поэтическим воодушевлением и творческой способностью сочетать события, делая из них живую картину, где соблюдены все условия перспективы и светотени»³¹. Исключительно большое значение Белинский придавал вооружённости историка передовым мировоззрением, передовой философской теорией. Он требовал, чтобы в исторических трудах было прежде всего «единство содержания», без которого не будет «видно, как движется вперёд человечество, в чём заключается его развитие», не будет раскрыта за внешней причинностью сменяющихся событий «внутренняя необходимость, дающая им глубокий смысл», который Белинский, как идеалист в истории, усматривал в «диалектически развивающейся идее»³². Без этого решающего условия не может быть раскрыта прогрессивность исторического процесса, невозможно понимание событий в их взаимо-

²⁸ Белинский. Соч. Т. XII, стр. 403.

²⁹ Там же, стр. 344.

³⁰ Там же, стр. 465.

³¹ Там же, стр. 401.

³² Там же.

действии, получится лишь бессвязное описание фактов. «Знание фактов, — указывал Белинский, — только потому и драгоценно, что в фактах скрывается идея, факты без идей — сор для голов и памяти»³³. «Всякая запутанность в истории происходит от неумения историка отличать важное и существенное эпохи от мелочных и пустых подробностей»³⁴. А такое уменье — результат философской вооружённости историка.

Характеризуя исторические события, историк не может и не должен скрывать своих политических симпатий, он должен отвергать реакционное, приветствовать и защищать всё прогрессивное, революционное в истории. Несмотря на трудности выступлений в подцензурной печати, Белинский не упускал случая для заявлений подобного рода. Так, в рецензии на учебник Смагардова он писал об изучении новой истории Западной Европы, наполненной революционными событиями: «Новая история по преимуществу есть пробный камень всякого исторического таланта, в ней более, чем в древней и средней, должны обнаруживаться все симпатии, верования, всё беспристрастие и вместе с тем весь энтузиазм, вся живая человеческая сторона историка». Последние слова не оставляют сомнения в смысле, вкладывавшемся в них Белинским. Белинский полагал, что историк должен не только излагать события, но и производить «суд над событиями»³⁵. Он требовал от историка сознательной идейности в освещении истории с точки зрения интересов народных масс.

★

Наибольшее внимание уделял Белинский истории своей родной страны, истории своего народа. В разработке вопросов русской истории с наибольшей полнотой раскрылись особенности понимания Белинским исторического процесса, задач исторической науки. Основные положения революционно-демократической исторической концепции, позднее развитые и углублённые Чернышевским и Добролюбовым, формулировались прежде всего на основе материала отечественной истории. Не следует забывать, что без уяснения взглядов Белинского на историю России не может быть глубоко и правильно понята его историко-литературная концепция.

Белинский справедливо был весьма невысокого мнения о степени изученности истории России в его время. В одной из рецензий 1841 г. он писал: «Русская история совершенно не разработана фактически и не озарена светом истинного уразумения в своём значении и характере»³⁶. Белинский объяснял это прежде всего крайне недостаточным изучением в его время основных источников русской истории. Подчёркивая, что без научно разработанной историко-источниковедческой базы развитие русской исторической науки невозможно, он, например, указывал на необходимость научного издания летописей «с вариантами, примечаниями, комментариями, снимками»³⁷.

Не менее важную причину неудовлетворительного состояния русской исторической науки Белинский усматривал в том, что дворянская и зарождавшаяся буржуазная историография страдала ограниченностью; русские историки не выходили за рамки политической истории, игнорируя изучение различных сторон жизни народа. «У нас до тех пор не будет удовлетворительной истории России, пока наши историки не примутся за составление частных историй по предметам... истории церкви, истории военного искусства, нравов, торговли, промышленности, права, политики, финансовой системы и пр. Все эти предметы требуют отдель-

³³ Белинский. Соч. Т. XII, стр. 453.

³⁴ Там же, стр. 405.

³⁵ Там же, стр. 447, 449.

³⁶ Там же, стр. 295.

³⁷ Там же, стр. 246.

ной и частной разработки, фактической, критической и философской, требуют трактатов и полных историй. Кроме того полезна разработка каждого важного события особо, как например, владычества татар, междоусарствия, отдельных царствований и прочая»³⁸.

Важное значение придавал Белинский периодизации истории России. В его понимании периодизация должна была соответствовать руководящим идеям историка, а не сводиться к механическому разделению на произвольные периоды. Наиболее общим делением истории России для Белинского являлось разделение её на допетровский и послепетровский периоды. «Как ни дробите нашу историю, — писал Белинский в 1841 г., — в ней всё будет разительно заметны два только отдела — до и после Петра»³⁹. Однако это не мешало Белинскому давать и более дробную периодизацию хронологически весьма обширного допетровского периода. Наиболее отчётливо свои суждения по данному вопросу он изложил в двух рецензиях: в 1841 г. в рецензии на книгу Ишимовой «История России в рассказах для детей» и в 1842 г. в рецензии на книгу Маркевича «История Малороссии». По существу данная в рецензиях периодизация почти не различается, но во второй рецензии она раскрывается более полно. Белинский указывал на следующие периоды в истории допетровской Руси: древний, удельный, период татарского ига и начала централизации России, период укрепления Московского государства. При внешнем сходстве этой периодизации с периодизацией, которую давали современные Белинскому русские историки, она отличается тем, что Белинский наполнял её своеобразным содержанием.

Белинский решительно возражал против утверждений представителей официальной историографии и славянофилов о том, что русское государство создано норманнами. Вопреки им Белинский определённо заявлял, что норманны «не оставили по себе никаких следов ни в языке, ни в обычаях, ни в общественном устройстве»⁴⁰. Самое образование государства в России Белинский относил ко времени Ивана Калиты, а окончательное оформление — только к периоду Петра I. Правда, Белинский не обнаружил достаточного понимания научного и политического значения изучения древнего периода истории России. Он считал его мало важным и «баснословным». Неправ Белинский, конечно, и в вопросе о времени образования русского государства, давая последнему идеалистическую трактовку. Он не осознал полностью историческое значение Киевского государства, что явилось своеобразной реакцией его, хотя и упрощённой, на чрезмерное увлечение древностью со стороны дворянских историков и славянофилов, которое вызывалось не столько научными интересами, сколько политическими реакционными мотивами и приводило к игнорированию изучения новой истории России. «Наши «славянофилы» и «патриоты», — писал Белинский, — ограничиваются... пересыпанием из пустого в порожнее, рассматривая такие вопросы, как происхождение Руси, и решая их произвольными гипотезами... удивительно ли, что вместо истории они издают компиляции, да и те незаконченные»⁴¹. Белинский указывал на необходимость соблюдения исторической перспективы в трудах по истории⁴². Но своеобразно относясь к древнему периоду, Белинский не упускал случая использовать характеристику его событий для того, чтобы подчеркнуть героизм народа в борьбе с внешними врагами — печенегами и половцами, а также для того, чтобы нанести удар по реакционным воззрениям своих политических противников. Так, опровергая мнение славянофилов о якобы исконной религиозности

³⁸ Белинский. Соч. Т. XII, стр. 400 (примечание).

³⁹ Там же, стр. 311.

⁴⁰ Белинский. Соч. Т. VI, стр. 121.

⁴¹ Белинский. Соч. Т. XII, стр. 400 (примечание).

⁴² Там же, стр. 408.

и мистицизме русского народа, Белинский ссылаясь на лёгкость искоренения язычества в Киевской Руси князем Владимиром при введении христианства⁴³. Белинский всегда подчёркивал, вплоть до его знаменитого письма к Гоголю, равнодушие русского народа к религии.

Возражая против механических параллелей между историей России и историей европейских стран, Белинский, однако, допускал в этом вопросе серьёзные преувеличения и крайности, уводившие его от истины. Указывая на единство исторического развития человечества, Белинский вместе с тем подчёркивал различие допетровской истории России сравнительно с историей народов Западной Европы. Так, он усматривал различие удельной системы с феодальными отношениями на Западе. Тем не менее его воззрения, часто обусловленные также и состоянием исторической науки, по своему внутреннему содержанию всегда направлялись против официальной историографии и славянофилов. Последние, подчёркивая различие между историческим развитием Запада и России, вкладывали в свои утверждения реакционный политический смысл. Феодализм в Западной Европе, полагали они, вырос из завоевания, положившего начало классовой борьбе. Последняя и определила всё историческое развитие Западной Европы, которое привело её к «гниению» в противоположность России, где «призвание» определило мирный путь развития и утвердило в ней «благодатные» самодержавно-крепостнические устои. Белинский же видел в «борьбе разнородных элементов» в Западной Европе основу её прогрессивного развития, а отсутствие такой борьбы в допетровской России, наряду с последствиями татарского ига и изолированным существованием страны, — основу косности и рутины, с которыми боролся Пётр I. Что же касается конкретно удельного периода, то вражду между удельными князьями Белинский расценивал как исторически не только бесплодную, но и вредную для народных масс. В этой вражде «не было разумного начала, и потому из неё не вышло важных результатов... история удельных междоусобий... бессмысленна и скучна»⁴⁴. Народ в борьбе между удельными князьями выступал лишь в качестве страдающей стороны. Этим Белинский хотел сказать, что там, где нет деятельного участия народа в историческом развитии, где попираются его интересы, там не может быть плодотворного развития. Демократический подход Белинского к оценке удельного периода нашёл выражение и в том, что этот период интересовал его с точки зрения характеристики исторических корней крепостного права в России, борьбе с которым он посвятил всю свою жизнь, начиная с «Дмитрия Калинина» и кончая письмом к Гоголю. «Помещичье право, — писал Белинский, — было душой удельного периода»⁴⁵. В складывании в тот период крепостнических отношений он видел одну из его важных особенностей.

В результате татарского ига, по мнению Белинского, началась централизация России вокруг Москвы. «Татарский период был началом централизации древней Руси. Общее бедствие мало-помалу воспитало в русских чувство единокровности и единоверия; удельные княжества ослабевают по мере возвышения Москвы, счастливо выдерживающей свои споры и с Рязанью и с Тверью. Великий князь постепенно становится из помещика государем, и самодержавие сменяет патриархально-помещичье право. Но под татарским игом нравы грубеют: вводится заворничество женщин, отшельничество семейной жизни... Застой и неподвижность, сделавшиеся с этого времени основным элементом жизни старой Руси, тоже были следствием татарского ига»⁴⁶. Белинский, глубоко задумывавшийся над причинами отсталости исторического развития Рос-

⁴³ Белинский. Соч. Т. XII, стр. 272.

⁴⁴ Там же, стр. 268.

⁴⁵ Там же, стр. 405.

⁴⁶ Там же, стр. 405—406.

сии, в своих произведениях неоднократно возвращался к различным сторонам этой характеристики⁴⁷.

Оценка исторического значения татарского ига Белинским направлялась против Карамзина и оказалась более глубокой, чем последующая оценка этого периода Соловьёвым, который сделал шаг назад от Белинского, недооценив важность сплочения сил русского народа в борьбе с иноземным игом и не видя его тяжёлых исторических последствий. Формуле Карамзина «Москва обязана своим величием ханам» и недооценке роли народных масс Соловьёвым Белинский противопоставлял указание на решающую роль борьбы народных масс с татарским игом, своей кровью завоевавших национальную независимость. В этой борьбе выковывались национальные качества русского народа — патриотическое воодушевление, героизм и храбрость. Он издевался над славянофилами, которые полагали, как писал иронически Белинский в одной из своих рецензий, что «битва при Калке, битва донская, нашествие Литвы, наконец, вторжение в Россию сына судьбы, не стоили нам ни капли крови, и мы отделались от них одними слезами, мы не дрались, а только плакали»⁴⁸. Белинский отмечал, что русский народ в борьбе с иноземными нашествиями «закалил свои силы и создал свою государственность»⁴⁹, значение которой Белинский видел прежде всего в том, что она обеспечила России национальную независимость.

Последний период допетровской Руси Белинский характеризовал как период, который выражал собой «усилие русского племени стать государством, укрепиться в определённых гражданских формах»⁵⁰. Но стремление русского народа создать свою государственность не могло полностью осуществиться вследствие отсутствия в России внутренних условий для этого — отсутствия «борьбы разнородных элементов, — борьбы сословий или классовой борьбы, которая определила укрепление государственных начал в Западной Европе».

Раскрывая содержание данного периода, Белинский высказывал самостоятельные суждения, смело выступая против представителей официальной историографии. Так, он отвергал крайнюю переоценку Карамзиным деятельности Ивана III, не соглашался с мнением Полевого, который пошёл в данном вопросе за Карамзиным и поставил Ивана III даже выше Ивана IV и Петра I.

В рецензии на книгу Полевого «Русская история для первоначального чтения» Белинский отмечал, что психологические перемены, происшедшие в Иване IV, следует объяснять действием окружавшей его среды, стремлением членов Избранной рады подчинить себе царя, сопротивлением бояр начинаниям царя, не останавливавшихся перед прямыми изменами. Наоборот, его симпатии на стороне Ивана IV, борющегося за укрепление государства, и если Карамзин резко осуждал Ивана IV за политику периода опричнины, то Белинский подчёркивал её историческую неизбежность и историческую прогрессивность. Белинский ценил Ивана IV за то, что он имел «характер сильный и могучий... довершил уничтожение уделов и окончательно решил местный вопрос»⁵¹, понимая под последним осуществление земской реформы.

Свою оценку деятельности Ивана IV Белинский углубил в 40-х годах. В рецензии на книгу Маркевича он писал: «Царствование Грозного было периодом окончательного формирования физиономии и духа старой Руси, а вместе с тем — и началом отрицания того и другого. В лице Грозного выразилась идея этого отрицания, и неосновательно

⁴⁷ Белинский. Соч. Т. VI, стр. 187. Т. XII, стр. 268.

⁴⁸ Белинский. Соч. Т. IX, стр. 476.

⁴⁹ Белинский. Соч. Т. XII, стр. 406.

⁵⁰ Там же, стр. 296.

⁵¹ Белинский. Соч. Т. XI, стр. 123.

было бы думать, что дурное воспитание и смерть Анастасии сделали Грозного бичом Руси. По натуре своей Иван Грозный был великий человек, и для него возможны были две роли — или Петра Великого, или Иоанна Грозного: для первой были непреодолимые преграды, заключавшиеся сколько в отчуждении Руси от Европы, сколько и в хаотическом состоянии самой Европы — внук Ивана III сделался не преобразователем России, а грозною карою её государственного быта»⁵². В рецензии на «Стихотворения Лермонтова» Белинский дал такую обобщённую оценку Ивана IV: «Это был своего рода великий человек, но только не во-время, слишком рано явившийся в России, — пришедший в мир с призванием на великое дело и увидевший, что ему нет дела в мире»⁵³.

Таким образом, Белинский сумел оценить прогрессивный характер деятельности Ивана IV, не подменяя и не затемняя её описанием одних лишь ужасов опричнины. Он поднялся значительно выше представителей дворянской историографии — Щербатова и Карамзина, — тепденноозно освещавших деятельность Ивана IV, не останавливаясь перед обращением к порочным иностранным источникам. Оценка Белинского предвосхитила оценку деятельности Ивана IV Кавелиным и Соловьёвым, а возможно, и оказала на них влияние. Такие же буржуазные историки, как Костомаров и Ключевский, сделали в этом вопросе даже шаг назад от Белинского к Карамзину. Перед нами пример того, как представитель прогрессивной исторической мысли, не будучи историком-специалистом, оказывался впереди академической исторической науки.

Следующим этапом допетровского периода истории России, по терминологии дворянско-буржуазной историографии, было так называемое «междоцарствие», или «смута», и времена первых Романовых. События этого этапа русской истории свидетельствовали, по мнению Белинского, о непрочности и незавершённости государственного порядка, созданного Иваном III и Иваном IV. Незавершённая была прямым результатом изолированного от Западной Европы существования России. Белинский правильно подчёркивал, что Россия до Петра I рассматривалась на Западе или в качестве объекта завоевания или в качестве противовеса Турции. Это было прямым результатом её отсталости, которая сковывала силы народа и ставила под угрозу независимость страны, примером чему была польско-шведская интервенция начала XVII века. Но силы народа и были тем залогом движения России вперёд, которое свидетельствовало об её способности к самостоятельному государственному развитию. О великом русском народе Белинский писал. «Дух народа всегда был велик и могущ, что доказывает и быстрая централизация Московского царства, и мамаевское побоище, и свержение татарского ига, и завоевание тёмного Казанского царства, и возрождение России, подобно фениксу из собственного пепла в годину междоцарствия»⁵⁴.

В характеристике событий начала XVII в. Белинский не оценил значения крестьянского движения этого периода, не увидел в нём выражения классовой борьбы. Он сосредоточил своё внимание на событиях, связанных с борьбой за независимость страны, на оценке деятельности вождей народного движения. Белинский с восхищением отзывался о деятельности Минина, называя его одним из величайших героев «нашей средней истории», которому «Русь одолжена своим спасением»⁵⁵. В оценке Минина выразился не только патриотизм, но и демократизм Белинского. Он указывал, что Минин «был мясник, которому каждый боярин мог безнаказанно наплевать в лицо... умел не только возбудить

⁵² Белинский. Соч. Т. XII, стр. 406.

⁵³ Белинский. Избранные сочинения, стр. 140. ГИХЛ. М. 1947.

⁵⁴ Там же, стр. 274.

⁵⁵ Белинский. Соч. Т. I, стр. 637. Изд. Павленкова.

патриотический восторг сограждан, но и поддержать его, согласить партии, примирить вождей... и достигнуть своей цели»⁵⁶.

При характеристике времён первых Романовых Белинский сосредоточил своё внимание на явлениях, свидетельствовавших о назревшей необходимости реформ и подготавливавших почву для деятельности Петра I. «При кротком Михаиле (которого в другом высказывании Белинский справедливо называл слабым⁵⁷. — В. И.) Русь отдыхала и целилась от глубоких язв междуцарствия и междоусобий и потому ей было не до движения. Но при царе Алексее Михайловиче пробудился дух реформы, как выражение внутренней, ещё бессознательной потребности России. Сделано было много нововведений и преобразований... Царь Фёдор сжигает книги местничества: это была перчатка, брошенная старой Руси». Белинский заканчивал эту свою характеристику знаменательным выводом, который впоследствии был дословно повторен Соловьёвым в его «публичных чтениях о Петре Великом». «Пётр вырос и воспитался в атмосфере преобразований». Правда, вслед за этими словами Белинский добавлял, что преобразования «были... довольно бесплодны, потому что требовали не полумер, но радикального переворота, — а для того, чтобы произвести его, требовалось гения, таким гением был Пётр, и он совершил переворот, для которого настало время и созрели элементы: Московское царство окончило своё историческое существование — возникла Россия и империя»⁵⁸.

Подходя к оценке исторических явлений с демократических позиций, движение России вперёд Белинский связывал с судьбами народа. В 1844 г. в статье «Петербург и Москва» он писал: «В конце XVII века Московское царство представляло собою уже слишком резкий контраст с европейскими государствами, уже не могло более двигаться на ржавых колёсах своего азиатского устройства; ему надо было кончиться, но народу русскому надо было жить; ему принадлежало великое будущее»⁵⁹.

Так Белинский, признавая отставание исторического развития России в допетровский период сравнительно с передовыми европейскими государствами, сумел в то же время проследить его последовательное восхождение от одного этапа к другому, подчеркнул усиление элементов государственности в России и назревание новых потребностей, сделавших неизбежными преобразования Петра I.

Деятельность Петра I и его личность были в центре исторических интересов Белинского на протяжении всей его жизни, что находилось в неразрывной связи с острым политическим значением оценки реформ Петра I в 30—40-х годах прошлого века.

Для Белинского период Петра I — это грань между старой и новой Россией, Россией, почти лишённой движения вперёд, и Россией, приближившейся к передовой культуре и потому ставшей могущественным, развивающимся государством. «Пётр есть величайшее явление, — писал Белинский, — ...воззвавшее нас к жизни, вдувшее душу живую в колоссальное, но поверженное в слепую дремоту тело древней России»⁶⁰.

Для правильного понимания отношения Белинского к периоду Петра I очень важно отметить, что степень изученности его во времена Белинского была крайне неудовлетворительной. Никто из дворянских историков не доходил в своих трудах до этого периода. Источники только начали публиковаться. Поэтому Белинский не случайно так живо

⁵⁶ Белинский. Соч. Т. I, стр. 638.

⁵⁷ Белинский. Соч. Т. XII, стр. 637.

⁵⁸ Там же, стр. 406.

⁵⁹ Белинский. Соч. Т. IX, стр. 211.

⁶⁰ Белинский. Соч. Т. VI, стр. 119.

откликался своими рецензиями на сочинения и публикации документов, касавшихся периода Петра I. В них он стремился почерпнуть новые сведения, дававшие ему возможность оценить ранее неизвестные стороны деятельности Петра I. Вместе с тем это было и новым поводом высказать свои взгляды по вопросу, живо интересовавшему Белинского. Однако ему часто приходилось идти по пути первоначального обобщения материалов, а иногда они и вовсе отсутствовали, что неизбежно приводило к некоторым ошибочным заключениям и крайностям в оценках. Ещё важнее отметить, что оценки Белинским различных сторон деятельности Петра I рождались в напряжённой борьбе со славянофилами, не только отрицавшими прогрессивное значение деятельности Петра I, но даже считавшими её вредной для России. В противоположность славянофилам, в пылу полемики Белинский иногда не удерживался от переоценки деятельности Петра I. Наконец, исключительно важно учитывать эволюцию взглядов Белинского на деятельность Петра I, находившуюся в прямой зависимости от эволюции его политических взглядов. Так, в 30-х годах, когда Белинский ещё не понимал подлинной роли самодержавия и питал даже иллюзорную надежду на возможность реформаторской деятельности николаевского правительствa, прославление Петра являлось для него средством указать желательные пути и направления ожидаемых реформ. В свою очередь в этот период идеализация деятельности Петра мешала Белинскому понять роль самодержавия в его время, задерживала освобождение от ложных иллюзий. Тогда Белинский, при абстрактном понимании исторической закономерности, явно переоценивал роль личности в истории. Вот почему в «Литературных мечтаниях» Белинский защищал тезис о полном разрыве между допетровской и петровской Россией, осуществлённом волей царя-реформатора.

По мере радикализации политических воззрений Белинского, по мере углубления понимания исторической закономерности, роли народа в истории и отсюда — преодоления переоценки роли личности в историческом развитии Белинский постепенно освобождался от идеализации деятельности Петра I. Но полемика со славянофилами тормозила окончательное преодоление этой идеализации, и до конца своей жизни Белинский не смог от неё освободиться полностью⁶¹.

Необходимость реформ истолковывалась Белинским идеалистически, как результат осознания этой необходимости передовыми людьми допетровской России. Но вместе с тем он указывал и на конкретно исторические обстоятельства, делавшие реформы особо неотложными. Перед Петром стоял вопрос в такой форме: «Учись или умирай: вот что было написано кровью на знамени... борьбы с варварством»⁶². Видя усиление таких государств, как Швеция, Пруссия, Польша, Пётр I осознал необходимость преодоления отсталости России для того, чтобы отстоять её государственную самостоятельность, именно за осознание этого Белинский высоко ценил Петра. «Петру некогда было медлить, — писал он, — ибо дело шло уже не о будущем величии России, а о спасении её в настоящем. Пётр явился во-время: опоздай он четвертью века, и тогда спасай или спасайся кто может... Вспомните, в каком тогда состоянии были европейские государства в отношении общественной, промышленной, административной и военной силы, и в каком состоянии была тогда Россия во всех этих отношениях»⁶³.

Высоко ценя Петра I за сближение России с Европой, Белинский высказал мысль о том, что «и без реформы Россия может быть сближалась бы с Европою и приняла бы её цивилизацию, но точно так же как

⁶¹ Итоговая оценка деятельности Петра I и её исторического значения дана Белинским в статье 1847 г. «Взгляд на русскую литературу 1846 года».

⁶² Белинский. Соч. Т. XII, стр. 282.

⁶³ Там же, стр. 280—281.

Индия сблизилась с Англиею»⁶⁴. Эта мысль о том, что Пётр спас Россию от превращения её в колонию, являлась для Белинского подтверждением огромной роли, которую Пётр сыграл в истории России, и оправданием всех мер и средств, которые он применял. Например, Белинский замечал по поводу огромных жертв при строительстве Петербурга: «Когда же и где великие перевороты совершались тихо без отягощения современников?»⁶⁵. «Пётр своими делами писал историю, а не роман, он действовал как царь, а не как семьянин»⁶⁶. Белинский утверждал, что в борьбе с варварством допетровской Руси Пётр не мог останавливаться перед применением крутых мер. Мы знаем, насколько прав был Белинский. Ленин, отмечая необходимость и прогрессивность реформ Петра, в то же время указывал, что Пётр проводил европеизацию России, «не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»⁶⁷.

Оправдание Белинским крутых и решительных мер, применявшихся Петром, было непосредственно направлено против дворянских историков и славянофилов. Известно, что Карамзин в своей «Записке о древней и новой России» решительно осуждал реформы Петра, сводившиеся, по его мнению, к насильственному восприятию чуждых «начал европеизма», результатом чего явилась якобы утрата национальных особенностей русского народа.

Белинский писал, что русский народ и после реформы Петра остался тем же, и Пётр не пересоздал его, «а только вывел его из кривых, избытых тропинок на столбовую дорогу всемирно-исторической жизни»⁶⁸, что «преобразования Петра Великого и введённый им европеизм несколько не изменили и не могли изменить нашей народности, но только оживили её духом новой и богатейшей жизни и дали ей несобъятную сферу для проявления и деятельности»⁶⁹.

В этих высказываниях выявилось глубокое убеждение Белинского в самостоятельности русского народа, в том, что иностранные заимствования могут его только обогатить, но никак не подчинить.

Многие результаты преобразовательной деятельности Петра I сказались ещё при его жизни, в ходе Северной войны, когда наступил перелом в пользу русских, т. е. с Полтавской битвы. «Полтавская битва не могла не иметь сильного нравственного влияния на народ: многие из самых ожесточённых приверженцев старины должны были увидеть в этой битве оправдание реформы»⁷⁰, — писал Белинский. Ещё более ясно это стало после окончания войны, когда Россия получила выход к Балтийскому морю. Это обстоятельство в сочетании с результатами реформ Петра серьёзно изменило характер внутренней жизни России. Быстрее стала развиваться промышленность, значительно возросла торговля, особенно внешняя. Промышленники, торговцы, ремесленники, мещане в результате реформ Петра вышли из неподвижного состояния, соперничество с иностранцами вызвало у них стремление к расширению деятельности, к нововведениям, к грамотности и т. д. В России создалось образованное общество дворян, хотя и весьма малочисленное первоначально, зародилась дворянская интеллигенция, создававшая впоследствии литературу, искусство, науку.

Благодаря реформам Петра русский народ добился исключительных результатов в своём дальнейшем историческом развитии. Он «с небольшим во сто лет новой жизни, возванный к ней творящим глаголом царя исполина, проявил себя и в великих властителях, и в великих полковод-

⁶⁴ Белинский. Соч. Т. XII, стр. 281.

⁶⁵ Там же, стр. 193.

⁶⁶ Там же, стр. 286.

⁶⁷ Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 517.

⁶⁸ Белинский. Соч. Т. XII, стр. 275.

⁶⁹ Там же, стр. 260.

⁷⁰ Там же, стр. 289.

цах, и в великих государственных людях, и в великих учёных, и в великих поэтах». Основываясь на этом, Белинский выражал твёрдую уверенность в том, что русский народ «ожидает ещё более великое, более славное будущее»⁷¹. С твёрдой уверенностью в том, что Россия — страна будущего, Белинский выражал свой исторический оптимизм и направлял его не только против славянофилов, но и против крайностей скептицизма такого выдающегося представителя русской общественной мысли, как Чаадаев.

Однако в оценке деятельности Петра I и её результатов Белинский не обнаружил понимания классового характера этой деятельности, не понял того, что Пётр I, как указывал И. В. Сталин, сделав «очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев», осуществлял свою политику «за счёт крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»⁷².

Белинский полагал, что если самая неизбежность реформ Петра I определялась отсутствием классовой борьбы в допетровской России, то противопоставление европейской культуры как внешнего элемента русским устоям и косности, настойчиво осуществлявшееся Петром, и должно было заменить отсутствие внутренних движущих сил в историческом развитии страны. Он считал, что одним из последствий преобразований Петра явилось то, что и в России стали создаваться условия для внутренней борьбы «разнородных элементов».

Поэтому в 40-х годах Пётр являлся для Белинского символом движения вперёд, борьбы с отсталостью и косностью.

В статьях и рецензиях Белинского, посвящённых Петру I, достаточно прозрачно намекалось на необходимость ломки устоев николаевской монархии. Не случайно именно его статьи о Петре I оказались запрещёнными цензурой и незаконченными, а те, которые были напечатаны, уродовались цензурой до такой степени, что Белинский приходил в отчаяние.

По мере усиления революционно-демократических настроений Белинского в его отношении к петровским реформам произошло изменение. Попрежнему считая преобразования Петра I крупнейшим историческим переломом в развитии России, попрежнему высоко расценивая могучий толчок, который дали эти преобразования для последующего развития России, Белинский в оценке реформ Петра всё более переносил центр тяжести на то, что ими было не доделано, на те остатки старины, которые сохранились, несмотря на последовавшее за ними прогрессивное развитие России. Такая позиция являлась оправданием грядущей революционной ломки старых отношений и призывом к этой ломке.

В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» Белинский писал, что «мы не так резко оторваны от нашего прошедшего, как думали, и не так тесно связаны с западом, как воображали»⁷³. Однако новые задачи, стоящие перед Россией, следует решить по-новому. «Россия вполне исчерпала, изжила эпоху преобразований... реформа совершила в ней своё дело, сделала для неё всё, что могла и должна была сделать, и... настало для России время развиваться самобытно, из самой себя»⁷⁴. Теперь Белинский с особенной настойчивостью подчёркивал невозможность ограничиться тем, что сделано Петром, и необходимость для России иных, ещё более решительных преобразований. В последние годы своей жизни Белинский, говоря о самобытном развитии России, подразумевает неизбежность преобразований, которые призваны обновить страну и могут быть осуществлены самими народными массами, созревшими для

⁷¹ Белинский. Соч. Т. XII, стр. 258.

⁷² Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III, стр. 523.

⁷³ Белинский. ИФС, стр. 345—346

⁷⁴ Там же, стр. 346.

активной творческой деятельности. Программа неотложных преобразований, развитая в знаменитом письме к Гоголю, для Белинского была только исходной. В новых условиях, новыми средствами, опираясь на революционную энергию политически созревших масс, Россия может совершить в будущем новый скачок в своём развитии, неизмеримо превзойдя в его результатах преобразования Петра I и полностью преодолев свою отсталость. Таковы мысли Белинского, которые он сквозь цензурные рогатки проводил в своих последних произведениях. В этом отношении он выступал прямым предшественником Чернышевского.

Само собой разумеется, что буржуазные историки не могли разделять этой новой трактовки реформ Петра I и задач, стоявших перед Россией. Для них понятие «закономерность» вполне совпадало с понятием «постепенность». В соответствии с этим они утверждали, что Пётр только продолжил то, что постепенно начало осуществляться до него, и особенно подчёркивали именно эту постепенность. «Народы в своей истории не делают прыжков», — заявлял впоследствии Соловьёв⁷⁵. Прыжка, по его мнению, не сделала и Россия при Петре. Преобразователь умел держать народ в узде и за это высоко ценился буржуазными историками. В своей филистёрской философии Соловьёв недалеко ушёл от Карамзина. Последний в допетровской Руси ценил выше всего то, что там «изменения делались постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия»⁷⁶. Разница заключалась только в том, что Карамзин видел в Петре царя, который нарушил этот ход развития допетровской Руси, за что он его и осуждал, а Соловьёв пытался реформы Петра представить как воплощение постепенства.

На примере отношения Белинского к Петру I и его деятельности с особенной яркостью раскрывается, как разрешал Белинский вопрос о роли личности в истории.

Первоначально Белинский крайне переоценивал роль личности в истории. Это в значительной мере диктовалось стремлением Белинского теоретически обосновать возможность для личности активно отрицать «гнусную российскую действительность» при ещё слабой деятельности масс.

По мере усиления революционно-демократических устремлений Белинского, по мере того, как он убеждался в том, что народ является определяющей силой, изменился и его взгляд на роль личности в истории. Он выдвинул формулу, что личность без народа — призрак. Однако это не означало, что он совершенно перестал придавать значение роли личности в истории. Белинский только с особой силой начал подчёркивать ту мысль, что величие личности, её сила определяются тем, в какой мере она выражает интересы народа, в какой мере великие люди понимают запросы исторического момента. Теперь он полагал, что время диктует задачи личности, а не личность определяет по собственному произволу течение истории. «Каждый великий человек, — писал Белинский в 1841 году, — совершает дело своего времени, решает современные ему вопросы, выражает свою деятельность духом того времени, в которое он родился и развивался»⁷⁷. В его определении роли личности в истории ещё явственно ощущались идеалистические элементы, но тем не менее Белинский уже близко подходил к правильному решению вопроса.

О соответствии реформ Петра народным интересам и о готовности народа к этим реформам Белинский писал: «Если бы русский народ не заключал в духе своём зерна богатой жизни — реформа Петра только убила бы его на смерть и обессилила, а не оживила и не укрепила бы

⁷⁵ Соловьёв С. «Публичные чтения о Петре Великом», стр. 980. СПб. Изд-во «Общественная польза».

⁷⁶ Карамзин Н. «Записки о древней и новой России» под редакцией В. Сиповского, стр. 32. СПб. 1914.

⁷⁷ Белинский, ИФС, стр. 183.

новой жизнью и новыми силами». Далее он подчёркивал то органическое единство, которое существовало между качествами русского народа и качествами Петра I: «Мы уже не говорим о том, что из ничтожного духом народа и не мог бы выйти такой исполин, как Пётр: только в таком народе мог явиться такой царь, и только такой царь мог преобразовать такой народ. Если бы у нас не было ни одного великого человека, кроме Петра, и тогда бы мы имели право смотреть на себя с уважением и гордостью, не стыдиться нашего прошедшего и смело, с надеждою смотреть на наше будущее...»⁷⁸. Внимание Белинского в конце его жизни постепенно переносится с личности Петра I на народ, выдвинувший его как деятеля. И в этом также выражалось начавшееся расхождение Белинского с буржуазными западниками, отрицавшими роль народа в истории.

В великом человеке Белинский особенно ценил новаторство. «В гении, — писал Белинский, — не столько поражает находчивость нового, сколько смелость противопоставить его старому и произвести между ними борьбу на смерть»⁷⁹.

Считая великих людей орудием исторической необходимости, Белинский вместе с тем отмечал значение личных качеств для выполнения их исторической роли. Так, он подчёркивал кипучую энергию Петра I, решительность, которой он отличался, его организационные и полководческие таланты. Белинский подчёркивал также патристические чувства царя-реформатора, которые являлись движущим началом всей его деятельности.

После Петра I для России начался новый период её истории. Об этом периоде у Белинского мы находим сравнительно мало высказываний. Но общая оценка его для нас совершенно ясна: этот период бледнеет перед величием того, что сделано Петром. Его преемники не оказались достойными своего великого предшественника. Белинский называл период, наступивший после смерти Петра, «тёмными годами» русской истории. В продолжение этих тёмных годин Русь «влачила в колее, проложенной Петром, не двигаясь вперёд»⁸⁰.

Детальный анализ послепетровского периода затруднялся рядом обстоятельств. Мы уже отмечали недостаточность исторической литературы о деятельности Петра во времена Белинского. Литература, посвящённая послепетровскому периоду, отличалась ещё большей бедностью. Белинский имел поэтому мало поводов для критики серьёзных исторических трудов по истории этого времени. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что указанный период в истории России уже во многом смыкался с современностью. В частности, и поэтому он мало изучался специалистами-историками. Белинского затрудняли в освещении многих вопросов послепетровского периода и цензурные препятствия. Только в критических статьях и рецензиях, посвящённых писателям XVIII в. или художественным произведениям, рисующим этот период, Белинский давал характеристику отдельных, наиболее замечательных событий указанного времени, а также наиболее замечательных его деятелей. Так, он высоко расценивал учёную и литературную деятельность Ломоносова, сравнивая его с Петром I по той роли, которую он сыграл в русской науке и литературе. В рецензии на книгу Ксенофонта Полевого «Михаил Васильевич Ломоносов» Белинский писал: «Между Ломоносовым и Петром большое сходство, тот и другой положили начало великому делу, которое потом пошло другим путём, другим образом, но которое не пошло бы без них»⁸¹. В той же рецензии Белинский писал о

⁷⁸ Белинский. Соч. Т. XII, стр. 263.

⁷⁹ Белинский. ИФС, стр. 358.

⁸⁰ Белинский. Соч. Т. VI, стр. 198.

⁸¹ Белинский. Соч. Т. I, стр. 643. Изд. Павленкова.

Ломоносове: «Вся жизнь его была прекрасным подвигом, беспременной борьбой, беспременной победой. Голова ходит кругом от мысли, что было сделано в России до Ломоносова и что он должен был сделать и что сделал... Он всё должен был сам сделать, всему положить начало... До него существовала только русская азбука, но не было русского языка, и только после него стал возможен в России раздел учёных и литературных трудов... Он пишет грамматику... даёт законы языку и утверждает их образцами... Введённое им стихосложение осталось навсегда в русском стихотворстве... Мы... думаем, что Ломоносов был с решительным талантом в поэзии... Риторика Ломоносова тоже была великой заслугой для его времени. Ломоносов был не только поэтом, оратором и литератором, но и великим учёным»⁸². В этой оценке разносторонней и плодотворной деятельности Ломоносова Белинский воздавал должное великому сыну русского народа, с гордостью отмечая его многочисленные заслуги перед русской наукой и литературой.

Останавливаясь на характеристике царствования Екатерины II, Белинский указывал, что в это время стали ощутительно проявляться результаты преобразовательной деятельности Петра: в росте военного могущества России, в развитии просвещения и литературы⁸³.

Было бы крайне интересно выяснить отношение Белинского к таким событиям времён Екатерины II, как крестьянское движение, возглавленное Емельяном Пугачёвым. Но, к сожалению, материалов по этому вопросу у нас нет, так как даже самые безобидные статьи о Пугачёве цензурой не пропускались. Так, он сообщал в письме к Боткину от 26 декабря 1840 года: «В № 1 выкинули прѣинтересную статью о Пугачёве — не знаем, что и делать с цензурой — самая кнутобойная и калмыцкая»⁸⁴.

Среди наиболее замечательных деятелей времени Екатерины II Белинский, естественно, выделил Суворова: Великий русский патриот, Белинский гордился тем, что его народ выдвинул этого великого полководца. Для Белинского Суворов был «чудо-богатырь», выигравший столько же побед, сколько давший сражений, опора и рушитель царств, он, которого видевшие ещё живы и который стал уже каким-то мифом, каким-то фантастическим героем фантастической поэмы»⁸⁵. Белинский подчёркивал величайшую роль Суворова, поднявшего на невиданную высоту славу русского оружия.

Из событий начала XIX в. внимание Белинского, как и всех прогрессивно мыслящих людей его времени, более всего привлекала Отечественная война 1812 года. Подчёркивая особое значение этой войны для исторических судеб России и русского народа, как войны отечественной, освободительной, Белинский писал: «Делю шло уже не о новой приобретённой провинции, не о клочке земли, отбитой у врага и моря для построения города, ни даже о завоевании царства и царств; дело шло сперва о собственном спасении, а потом о спасении всей Европы, следовательно — всего мира»⁸⁶. Именно потому Отечественная война 1812 г. породила столь мощный патриотический подъём, явившийся источником победы, и имела важные исторические последствия.

«Роковой 1812 год, пронёсший над Россиею грозной тучей, — писал Белинский, — напрягший все её силы, не только не ослабил её, но ещё и укрепил»⁸⁷. Ту же мысль Белинский подробно развил в статьях, посвящённых сочинениям Пушкина. Здесь он писал: «Можно сказать без преувеличения, что Россия больше прожила и дальше шагнула от 1812 г. до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 года.

⁸² Белинский. Т. I, стр. 645—646. Изд. Павленкова.

⁸³ Белинский. Соч. Т. XII, стр. 236, 289.

⁸⁴ Белинский. «Письма». Т. II, стр. 195—196.

⁸⁵ Белинский. Соч. Т. I, стр. 668, под ред. Иванова-Разумника.

⁸⁶ Белинский. Избранные сочинения под ред. Иванова-Разумника. Т. I, стр. 528.

⁸⁷ Белинский. ИФС, стр. 143—144.

С одной стороны, 12-й год потряс всю Россию из конца в конец, пробудил её спящие силы и открыл ей новые дотоле неизвестные источники сил, чувством общей опасности сплотил в одну огромную массу косневшие в чувстве разъединённых интересов частной воли, возбудил народное сознание и народную гордость и всем этим способствовал зарождению публичности, как началу общественного мнения; кроме того, 12-й год нанёс сильный удар по коснеющей старине... С другой стороны, вся Россия, в лице своего победоносного войска, лицом к лицу увиделась с Европой, пройдя по ней путём побед и торжества»⁸⁸.

В этом исключительно ценном высказывании Белинский, в сущности, раскрывал исторические истоки движения декабристов, хотя по цензурным условиям не мог сказать об этом прямо.

На освещении Белинским Отечественной войны 1812 г. и её исторических последствий можно закончить характеристику его исторических взглядов. Другие, более поздние события для него уже непосредственно смыкались с современностью.

Белинский полагал, что эти события ещё не могут быть предметом научного изучения. «Время для новейшей русской истории ещё не настало, — писал он в 1845 г., — потому что история, составленная по реляциям, есть не история, а компиляция, — даже и тогда, когда за неё берутся люди с талантом и знанием дела»⁸⁹. Белинский этим хотел подчеркнуть, что само реакционное царское правительство не было заинтересовано в создании правдивой истории России. Закрывая для историков архивы, правительство вынуждало писать историю по официальным реляциям.

В заключение мы должны констатировать, что исторические взгляды нашего великого демократа отличались глубиной и оригинальностью и были неразрывно связаны с развитием его революционно-демократического мировоззрения. Они были проникнуты единой целеустремлённостью, выступая одним из средств в обосновании радикальных социально-политических воззрений Белинского и оплодотворяясь достижениями его философской мысли. Черты оригинальности исторических взглядов Белинского нашли своё выражение в его глубоком и своеобразном понимании исторического процесса, задач исторической науки, важнейших периодов европейской истории и особенно в освещении истории русского народа, над судьбами которого он непрестанно размышлял. В разработке важнейших исторических проблем, в освещении крупнейших событий и деятелей русской истории выявилось превосходство Белинского над современной ему дворянской и буржуазной историографией. Белинский настойчиво подчёркивал роль народных масс в истории, он выступал в качестве пламенного патриота своего великого народа, с любовью освещая его замечательные подвиги, выдающиеся национальные качества, его величайших представителей, и был преисполнен веры в его великое будущее. Белинский обогатил прогрессивную историческую мысль своего времени и заложил основы для революционно-демократической исторической концепции, облегчив её разработку в дальнейшем своим продолжателям — Чернышевскому и Добролюбову.

Анализ исторических взглядов Белинского убеждает нас в том, что корифей революционно-демократической мысли в России был не только великим критиком, выдающимся философом, но и талантливым и оригинальным представителем русской революционно-демократической исторической мысли, основоположником той критической и исторической школы в русской литературе, высокую оценку которой дал Энгельс в известном письме к Паприц (1884).

⁸⁸ Белинский. ИФС, стр. 217.

⁸⁹ Белинский. Соч. Т. IX, стр. 78.